

Комментарии

Экономическая политика

1. Экономическая программа Путина: что в ней есть и чего нет?

Анализировать предвыборные выступления довольно скучно – уж больно это специфический жанр. Всяких обещаний дается много, но обычно их никто всерьез не принимает – включая самих участников предвыборной гонки. Злые языки утверждают, что из всех известных мировых политиков только Джордж Буш-младший выполнил все свои предвыборные обязательства, следствием чего стало не только катастрофическое падение доверия к нему населения, но и резкое ухудшение экономической ситуации в стране. В канун выборов надо сформулировать что-нибудь яркое, запоминающееся, а там – жизнь поправит. Вот г-н Жириновский на днях сказал: «У нас в каждой области рождаются гении раз в сто лет. А если мы будем их клонировать, будет 5–6 гениев в каждом регионе. А при таком их количестве Россия вздыбится». Настоящий предвыборный креатив!¹ Это тебе не какое-то серенькое «удвоение производительности труда» к 2020 г., на которое и специалисты-то не все обратят внимание.

И все-таки. Даже при самом беглом знакомстве с экономической программой главного кандидата в Президенты России бросается в глаза, что в ней можно найти всё, и на любой вкус. Начиная с возвращения Россией технологического лидерства и кончая ликвидацией системы откатов. Всякий, прочитавший статью «О наших экономических задачах»², может найти в ней что-нибудь дорогое его сердцу. Государственник обрадуется признанию принципиальной необходимости иметь

¹ См.: <http://www.newsru.com/russia/22feb2012/clone.html>

² См.: <http://premier.gov.ru/events/news/17888/>

промышленную политику; завзятый либерал – выбору в качестве целей низкой инфляции и сбалансированного бюджета; пенсионер – твердой решимости продолжать повышение «традиционных пенсий»; профессор – курсу на создание крупных исследовательских университетов мирового уровня; банкир – намерению разрешить размещение длинных пенсионных денег на банковских депозитах... Ну, и так далее.

Смущает, однако, несколько мелких шероховатостей.

Во-первых, нередко достижение одних целей или прямо противоречит достижению других, или очевидным образом связано со значительными побочными эффектами. Например, повышение пенсий усугубляет дисбаланс пенсионной системы; госкорпорации, на основе которых предлагается строить промышленную политику, являются каналом распространения коррупции и казнокрадства; расширение «агломерационного радиуса» крупных городов усугубит процесс вымирания обширных сельских районов; ускоренное создание университетов мирового уровня (почему не помечтать!) будет сопровождаться усиленной утечкой мозгов и т.д. Никакого анализа этих противоречий и сложностей в статье нет.

Во-вторых, иногда предлагаются весьма сомнительные инструменты достижения целей, а зачастую автор, не предлагая ничего конкретного, и вовсе ограничивается коротким словом «надо». Например, «надо» к 2020 г. обеспечить рост производительности труда в два раза, а в ключевых отраслях – в три-четыре раза (обоснование: «В противном случае у нас просто не будет надежды на успех в глобальной конкуренции»). Или: «нам *придется* резко повысить эффективность расходов» на строительство объектов инфраструктуры; для этого предлагается проводить ценовой и технологический аудит всех крупных инвестиционных проектов с госучастием, привлекая к нему международных экспертов. Возникает вопрос: разве у нас в России мало международных экспертов и менеджеров? Разве не проводится международный аудит всех крупных компаний и банков? И от чего это спасает? Впрочем, путинская программа борьбы с «системной

коррупцией» не ограничивается международным аудитом. Она гораздо радикальнее: «Мы *должны* изменить само государство, исполнительную и судебную власть в России. Демонтировать обвинительную связку правоохранительных, следственных, прокурорских и судебных органов и т.д.». Вот, завидуйте все системные и внесистемные оппозиционеры! Упустили вы инициативу, все это сделают без вас! В общем, все хорошо, не с чем спорить. Только вот все эти «надо», «нам придется», «мы должны» в устах человека, который в течение двенадцати с лишним лет вполне мог двигаться в означенных направлениях, звучат неубедительно. Разве раньше в России не было «надо» быстро повышать производительность труда, бороться с коррупцией, снижать расходы на строительство и все прочее?

В-третьих, некоторые представления кандидата в Президенты далеко небезупречны с точки зрения логики. Например, откуда вдруг взялся тезис о том, что «аграрный сектор выступает важным элементом сохранения в экономике конкурентной среды, формирования малого и среднего бизнеса – "подлеска" здорового капитализма»? Какое это имеет отношение к современным российским реалиям? В XXI веке утверждать, что именно сельское хозяйство является ключевым сектором формирования мелкого и среднего бизнеса, – не странно ли? Еще можно это понять, если признать, что в прочих секторах российской экономики конкуренция уничтожена госкорпорациями, но В. Путин как раз горячо это отрицает.

Далее, он мечтает о том, чтобы Россия стала владелицей (хорошее, кстати, русское слово, почти как «кормилица») «постоянно обновляющихся передовых технологий как минимум в нескольких секторах». По мнению В. Путина, это позволило бы «преодолеть складывающуюся одностороннюю технологическую зависимость» и организовать «работу на принципах технологической кооперации». Интересно в этой связи: каких технологий являются «владельцами», например, США? Производства современных автомобилей? А Япония? Германия? Корея? А некоторые другие страны? Конечно, крупнейшие автомобильные концерны

являются обладателями передовых технологий, патентов и ноу-хау. Но значит ли это, что страны тоже являются владельцами всех этих «неосязаемых активов»? Вот уж вряд ли.

Серьезный логический сбой содержится в невинной на первый взгляд фразе: «Опыт успешной модернизации экономики таких стран, как Корея и Китай, показывает, что толчок от государства нужен, что его эффект перевешивает риск ошибиться». На самом деле позитивный эффект от удачного решения надо сопоставлять не с риском ошибиться, а с негативным эффектом от неудачного решения; при этом оба эффекта следует «взвешивать» по вероятности (рisku) реализации обоих сценариев. Допустим, в Северной Корее государство довело экономику «до ручки», а в Южной Корее и Китае, наоборот, были найдены «правильные» точки приложения государственных сил, и риск ошибочного решения не реализовался.³ И что? Значит ли это, что России наверняка удастся избежать серьезных ошибок? Увы, никаких гарантий здесь нет. Но при чем тут тогда Южная Корея или Китай? Да, несколько десятилетий назад они нашли выигрышную стратегию – размещение на своей территории крупных производств, нередко принадлежащих ведущим корпорациям мира и ориентированных на экспорт своей продукции на глобальные зарубежные рынки. С учетом их основного конкурентного преимущества – дешевой и исполнительской рабочей силы – эта стратегия оказалась *тогда* чрезвычайно эффективной. Из этого, однако, не следует, что подобная стратегия будет эффективной и для России – сейчас. Впрочем, в статье В. Путина нет ни малейших намеков на желательность такой модели развития для нашей страны...

В-четвертых, в статье даже не упоминаются два простых, но чрезвычайно важных вопроса, без ответа на которые вообще нельзя говорить об экономической

³ В отношении Китая это, на самом деле, не так уж очевидно; можно только сказать, что риск *пока* не реализовался. Многие негативные последствия принятых решений сейчас просто перевешиваются эффектом от вовлечения новой рабочей силы, ранее занятой в сельском хозяйстве. А вот когда этот ресурс роста экономики будет исчерпан, не начнется ли в Китае серьезнейший кризис, вызванный заложенными сейчас диспропорциями?

стратегии. Первый вопрос: на какой рынок (внутренний или внешний) должно ориентироваться развитие отечественного производства? Этот вопрос самым тесным образом связан с выбором общей модели экономического развития. Второй вопрос: что предполагается предпринять для преодоления «сырьевого проклятия»? Закон Рикардо о сравнительных преимуществах неумолимо толкает Россию на сырьевой путь развития, и без самых серьезных и, наверное, болезненных структурных реформ все разговоры об ускоренном развитии несырьевого сектора в России всегда останутся лишь благопожеланиями. Спорить с законом Рикардо – все равно что спорить с законом всемирного тяготения: можно сколько угодно заклинать экономику магическими формулами типа «надо!» или «у нас нет другого выхода!», это ровно ничего не изменит.

В-пятых, примечательно, что многие, порой более радикальные предложения, сделанные тем же премьер-министром в последний месяц, отсутствуют в статье. К ним, в частности, относятся: единократный платеж олигархов за «нечестную» приватизацию; заявление о том, что пенсионный возраст повышать не следует; обсуждение в правительстве вариантов повышения налоговой нагрузки – и не за счет невнятного налога на «роскошь» (он как раз упомянут в статье), а за счет повышения налогов, которые определяют условия ведения бизнеса в России (страховых взносов, НДС, подоходного налога). Из-за этого складывается впечатление, что многие правила для бизнеса могут серьезно измениться – внезапно и в худшую сторону. Очевидно, что для российского делового климата, о необходимости улучшения которого много говорится в статье, такая спонтанность является чрезвычайно негативным фактором.

В-шестых, многие цифры, приведенные в статье, носят откровенно пропагандистский характер. Например, говорится: «Доля высокотехнологичных и интеллектуальных отраслей в ВВП должна к 2020 г. увеличиться в 1,5 раза. При этом высокотехнологичный экспорт России вырастет вдвое». Звучит красиво, но что это значит на практике? А ничего не значит. Доля высокотехнологичных отраслей промышленности в производстве ВВП в 2011 г. составила 0,9%, а в

экспорте (в 2010 г.) – 1,22%.⁴ Ну, будет 1,35 и 2,44% соответственно, что примерно совпадает с уровнем начала 2000-х, когда нефтяной бум только начинался. И какой вывод на этой основе можно сделать?

Другой пример: в качестве важного фактора повышения инвестиционной привлекательности российской экономики указывается формирование единого экономического пространства (ЕЭП) с Казахстаном и Беларусью. Но внутренний рынок ЕЭП лишь на 14% превышает внутренний рынок России. Изменит ли это всерьез привлекательность локализованных в России инвестиционных проектов? Не так уж это очевидно.

Подводя итоги, можно задаться вопросом: если предвыборная программа кандидата в Президенты России В. Путина не отвечает на важнейшие стратегические вопросы, грешит логическими ошибками, да и вообще не является целостной (хотя бы потому, что к ней необходимо прикладывать еще и утаенные «забалансовые» пункты), то можно ли на ее основании уяснить хоть какие-то контуры экономической стратегии В. Путина? Как ни странно, ответ на этот вопрос следует дать утвердительный. Если снять «предвыборную шелуху», то экономическое кредо будущего президента сводится к следующим пунктам:

- а) государство должно и будет играть решающую роль в экономических процессах;
- б) инструментом проведения госполитики будут госкомпании, про которые, правда, пока ничего доброго сказать нельзя, но они в некоем туманном будущем по неким загадочным причинам должны стать конкурентоспособными на мировом уровне;
- в) все более широкое распространение будут получать методы «ручного управления», что объясняется просто: в систему изначально заложены

⁴ Согласно общепринятой практике под высокотехнологичными отраслями понимаются (в скобках приведен код отраслевой классификации): Производство фармацевтической продукции (24.4); Производство офисного оборудования и вычислительной техники (30); Производство электронных компонентов, аппаратуры для радио, телевидения и связи (32); Производство медицинских изделий; средств измерений, контроля, управления и испытаний; оптических приборов, фото- и кинооборудования; часов (33); Производство летательных аппаратов, включая космические (35.3).

сильнейшие противоречия; когда они будут выходить на поверхность, должны приниматься решения, которые заранее предвидеть нельзя. Поэтому государственной системе и национальной экономике необходим «великий кормчий»;

г) предпринимательский сектор нужен хотя бы для того, чтобы с него можно было постоянно что-нибудь «состригать». Но при этом ни на какие системные поблажки им (предпринимателям и бизнесменам) идти не следует; все слова о необходимости улучшения делового климата носят в статье подчеркнuto декларативный характер;

д) пенсии и зарплаты будут повышаться, несмотря на отсутствие объективных к тому предпосылок (например, опережающего роста производительности труда). Такая политика объясняется необходимостью поддержания стабильной социальной опоры режима;

е) сбалансированный бюджет является не экономическим, а политическим приоритетом: привлечение денег на внешних рынках чревато утратой суверенитета;

ж) немного причудливым образом сочетается с этим «командирское» решение о вступлении России в ВТО.

Все эти пункты в совокупности делают экономическое будущее России заложником нефтяных цен. Если проводить какие-то параллели, приходится признать, что в настоящий момент Россия идет по греческому пути: расходы, прежде всего социальные, увеличиваются не в меру роста эффективности экономики, а в меру роста потребностей. Правда, в Греции эти расходы финансировались за счет займов, а в России – за счет нефтяной выручки. Разница, конечно, есть, но в тот момент, когда новые поступления притормозятся, она будет не такой уж существенной.

Сергей Смирнов